

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

Российский государственный
гуманитарный университет
Институт лингвистики

РИТУАЛ В ЯЗЫКЕ И КОММУНИКАЦИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЗНАК
МОСКВА
2013

УДК 811
ББК 81
Р 55

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

Составитель, ответственный редактор
Л. Л. Федорова

Редколлегия:
М. А. Кронгауз, Г. Е. Крейдлин, Л. Л. Федорова, И. А. Шаронов,
Е. Л. Бровко, П. С. Дронов, А. С. Левочская, С. И. Переверзева

Рецензенты:
д. ф. н. А. Н. Баранов, д. ф. н. Е. Л. Березович

Р 55 Ритуал в языке и коммуникации: Сб. статей / Сост. и
отв. ред. Л. Л. Федорова — М.: Знак; РГГУ, 2013. — 512 с.,
ил. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0669-4

Сборник включает статьи по докладам международной конференции «Ритуал в языке и коммуникации», состоявшейся в Институте лингвистики РГГУ в октябре 2009 г. В нем представлены работы ведущих отечественных и зарубежных исследователей, посвященные разным аспектам изучения ритуала как в современной коммуникативной практике, так и в исторических свидетельствах, на материале русского и других языков, в современных и в традиционных культурах.

Для филологов и лингвистов, антропологов и историков, социологов и политологов.

The Proceedings are comprised of the contributions of Russian and foreign researchers to the International Conference on Ritual in Language and Communication (Institute of Linguistics, RSUH, October 2009). The articles are focused on various aspects of studying the ritual in modern communicative practice and historical evidence, in modern and traditional cultures, in Russian and in other languages.

The Proceedings are devised for philologists, linguists, anthropologists, historians, sociologists, and political scientists.

ББК 81

При оформлении переплета использован фрагмент картины
Веласкеса «Менины» (музей Прадо, Мадрид)

ISBN 978-5-9551-0669-4

© Авторы, 2013
© Знак, 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В сборник «Ритуал в языке и коммуникации» вошли статьи участников одноименной международной конференции, проводившейся в РГГУ в октябре 2009 г., а также несколько статей других авторов в русле заявленной проблематики.

Понятие ритуала обращено в прошлое, к сакральным смыслам и обрядовым практикам, к традициям и порядку, к этикету и церемониалу. Обращение к теме ритуала, казалось бы, должно знаменовать движение к стабильности и устойчивости, ориентацию на каноны, но это прежде всего попытка оттолкнуться от прошлого и переосмыслить основы миропорядка, совместить новые тенденции и традиционные ценности, которые не остаются незыблемыми во времена перемен. В сборнике присутствуют статьи авторов, наблюдающих ритуальную жизнь общества с разных временных рубежей: из времен застоя (Ю. С. Мартемьянов и Ю. А. Шрейдер), с начала перемен — в их стремительном потоке и ломке стереотипов (М. А. Кронгауз), из сегодняшнего дня — обращенные к современному состоянию общества или глубоко в прошлое. Наблюдая языковые и коммуникативные модели разных эпох, авторы не остаются равнодушными к содержанию ритуалов, к нравственным ценностям, в них сохраняемым.

Тематика сборника, таким образом, охватывает традиционное и современное, старые модели и новые образцы, авторы стремятся проследить устойчивость сложившихся стереотипов и обнаружить появление новых моделей в коммуникативных практиках и языковых стратегиях. Содержание ритуала раскрывается не только в привычных сферах этикета (А. Д. Шмелев) и политической жизни (Е. Г. Борисова), но и на образцах и жанрах, далеких от традиционной обрядности, — в интернет-общении (Э. Бялэк) и спортивном репортаже (О. И. Северская), корпоративном собеседовании (Р. Ратмайр) и письменном экзамене (Е. Н. Басовская), в рекламных стратегиях банков и бизнес-дискурсе (П. Котта Рамузино). Рассматриваются не только сохраняющиеся традиционные формы этикетного поведения, но и

утрата традиционных терминов свойства (Т. А. Михайлова), способы нарушения коммуникативных норм (Л. Голетиани) и стереотипы антиэтикетного поведения (Н. Г. Брагина). Анализируются старые и новые стратегии прощения милостыни (Е. Е. Левкиевская), функции криков воодушевления (И. А. Шаронов) и дразнилок во «взрослом» употреблении (Н. В. Васильева). И конечно, внимание уделено традиционным древним ритуалам в классических и фольклорных текстах — вызова на единоборство, гадания, жертвоприношения, свадьбы и поминовения.

В нескольких разделах сборника тема ритуала рассматривается в разных аспектах: в современном русском дискурсе, в национальных стереотипах и их сравнении, в традиционных и классических текстах. Новым в структуре публикаций является раздел «Из лингвистического наследия», в котором публикуется совместная работа Ю. С. Мартыянова и Ю. А. Шрейдера, посвященная поведенческим аспектам ритуальной коммуникации и не утратившая своей актуальности спустя несколько десятилетий после ее появления в печати.

Статьи первого раздела раскрывают содержание коммуникативных и языковых стереотипов в современной русской языковой среде, начиная от опустошения ритуалов советской эпохи (М. А. Кронгауз). Здесь представлены традиционные культурные модели и сложившиеся конвенциональные жанры в новом преломлении, отражающем современные системы ценностей (Е. Г. Борисова, А. Д. Шмелев, Т. А. Михайлова, Н. В. Васильева, И. А. Шаронов). Также исследуются теоретические проблемы нарушения ритуала и антиэтикетного поведения (Л. Голетиани, Н. Г. Брагина), структура и функции невербальных ритуалов (Т. В. Крылова, Г. Е. Крейдлин и С. И. Переверзева).

Следующий раздел посвящен особым сферам, в которых формируются новые модели ритуального поведения — экономической (Р. Ратмайр, П. Котта Рамузино), педагогической (Е. Н. Басовская), прихрамовой (Е. Е. Левкиевская), в сфере спортивной журналистики (О. И. Северская), сетевого общения (Э. Бялэк). Здесь обнаруживаются тенденции к складыванию коммуникативных стереотипов, стандартных форм и стратегий поведения, к не вполне осмысленной их канонизации, нередко под влиянием западных образцов.

Третий раздел представляет тематику национальной специфики ритуала, которая демонстрируется на примерах японской (В. М. Алпатов), финской (Е. Протасова, А. Мустайоки), нидерландской (О. Новицкая) коммуникативных практик, в языковом и межкультурном сопоставлении речевого этикета (М. Гауберген, Т. В. Ларина), форм религиозного дискурса (Т. Е. Янко), в контрастах национальных традиций в эмигрантской среде (Л. Фиалкова, М. Еленевская). В этих со-

поставлениях обнаруживается своеобразие национальных образов и моделей поведения, сочетания формализма и естественности, прагматичности и конвенциональности.

В четвертом разделе также исследуются ритуалы разных культур, но на материале классических текстов и фольклора. Сюда включены статьи о традиционных ритуалах, выявленных из анализа литературных древнеиндийских (М. А. Воронкина), древнегерманских (Н. Б. Пименова), персидских (С. Лахути) текстов, по китайским (А. А. Котова) и мезоамериканским (Г. Г. Ершова, Л. Л. Федорова) источникам, по классическим и фольклорным русским текстам (В. В. Высоцкая, О. Е. Фролова, Е. Я. Шмелева, К. В. Пьянкова). В целом они дают представление об уникальности и своеобразии ритуальных форм, о богатстве и общезначимости их содержания.

Наконец, завершающий раздел возвращает к теоретическому осмыслению ритуального поведения, представленному в работе Ю. С. Мартемьянова и Ю. А. Шрейдера. Вопрос, который поставили авторы, остается открытым и звучит сегодня еще более остро: возрастает ли ценность ритуала с развитием культуры или же современная ее унификация обесценивает традиционные формы, подчиняя человеческое поведение разумной целесообразности? Ответ подскажет время.

Л. Л. Федорова

РАЗДЕЛ 1

ЯЗЫКОВЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ РИТУАЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ

БЕССИЛИЕ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЗРЕЛОГО СОЦИАЛИЗМА*

ВРЕМЯ И МЕСТО

О власти языка над человеком и способах использования этой власти написано множество работ, которые относятся прежде всего к таким направлениям лингвистической и философской мысли, как общая семантика, прагматика и риторика. Более чем подробно описаны языковые явления и механизмы, позволяющие манипулировать сознанием адресата речи — отдельной личности или общества. В рамках этой проблематики исследуется и специфическая ситуация использования языка в тоталитарных обществах, в частности в бывших социалистических государствах.

В качестве «говорящего» (а точнее, активного пользователя языка) выступают реальные властные структуры, пытающиеся с помощью отмеченных языковых механизмов воздействовать на общественное и индивидуальное сознание и тем самым достигать определенных политических целей. При этом исследователь неизбежно должен учитывать не только языковые факторы, но и экстралингвистическую ситуацию, так что правильнее говорить не о языке как таковом, но о дискурсе — речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие в соответствующем событийном контексте.

Язык во многом определяет дискурс, но возможна и обратная связь: отдельные черты языка изменяются в зависимости от условий и целей его употребления. Иногда говорят об особом статусе этих изменений, т. е. фактически об особом политическом языке в тоталитарном обществе, называя его «язык лжи», «деревянный язык» (калька с французского термина *langue de bois*) или новояз (перевод английского слова

---

* Впервые: «Знак: Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журина». М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 233—244.

В основе этой статьи лежит доклад, сделанный автором на конференции «Язык и власть, языки власти» в апреле 1991 г. в Тракае (Литва).

newspeak, введенного в романе «1984» Дж. Оруэллом; ср. также польский перевод — powo towa).

Остается, однако, много неясностей, поскольку, даже если согласиться с языковым статусом данного объекта, его черты достаточно сильно зависят от конкретного тоталитарного общества, от сферы употребления (ср. язык пропаганды, язык газетных передовиц, язык публичных выступлений и т. д.) и других факторов.

В настоящей работе предпринимается попытка семиотического описания социально-языковой ситуации, характерной для Советского Союза 1970-х — начала 1980-х гг., т. е. позднего правления Л. И. Брежнева, называемого в то время «развитым социализмом», а ныне «застоем». Ни один из этих терминов не отражает достаточно полно сущности этого периода, и при этом оба содержат весьма резкую оценку — соответственно положительную и отрицательную. В работе используется термин «зрелый социализм», также встречающийся, хотя и реже, в пропагандистской литературе, ибо именно зрелость социалистического общества обеспечивала концентрацию семиотически значимых черт дискурса.

Ритуалы Новой эпохи

Непосредственно после революции произошло изменение функций многих социальных институтов. Такое изменение, в частности просто отрицание, продолжалось и по мере развития социалистического общества и достижения им зрелости. Причем отмирание функций далеко не всегда приводило к ликвидации соответствующего института. Из соображений престижа и в силу консервативности общество могло сохранять практически лишённые содержания социальные институты и действия (иногда заменяя старое название на новое, более подходящее к моменту), превращая их тем самым в ритуал.

К ярким примерам ритуализованных действий относятся выборы, социалистическое соревнование и многое другое. В них практически никогда не достигалась, а в действительности даже и не ставилась та цель, которая декларировалась устроителем ритуала — властью: «избрать», «устроить конкуренцию» и т. д. Впрочем, нельзя сказать, что ритуал был совершенно нефункционален. С его помощью зрелое социалистическое общество поддерживало иллюзию общественной жизни, точнее говоря, имитировало ее. Существовала и еще одна функция. Ритуал служил обязательной проверкой лояльности членов общества. Участие в ритуале означало пусть формальное, но тем не менее согласие участвовать в построении коммунизма, т. е. нести свою долю ответственности за происходящее.

Следует обратить внимание на одну характерную черту ритуала. Ритуал подразумевает стороннего наблюдателя, который и квалифицирует некое действие как ритуал. Изнутри, т. е. непосредственными участниками, ритуал, вообще говоря, может осознаваться не как ритуал, а как вполне полезная процедура (ср. отличие ритуалов и процедур по Э. Берну (Берн 1988)). Одно из благоприобретенных свойств советского человека состояло в том, что он мог ощущать себя и участником ритуала, и внешним наблюдателем одновременно. Менялась лишь степень осознанности этого ощущения. Именно этим свойством, по всей видимости, и обусловлено знаменитое оруэлловское «двоемыслие», а также изменение значения этого слова в зависимости от степени развития тоталитарного общества. Это же свойство порождает и особый советский юмор, малопонятный иностранцам, но об этом подробнее будет сказано позже.

В ритуале участники различаются по своим ролям, и в первую очередь по степени участия или степени активности. Для речевого ритуала естественно различать активную и пассивную роли, соответственно роли говорящего и слушающего. Хотя конечно же в реальной жизни речевые и неречевые роли перемешивались и составляли гораздо более сложную иерархию (например, на собрании: выступавшие с докладом, выступавшие в прениях, сидевшие в президиуме, готовившие доклады, голосовавшие «за», аплодировавшие и так далее до бесконечности). Различаются и способы борьбы с ритуалом: от неучастия до попытки разрушения ритуала изнутри (последние, впрочем, часто оказывались неудачными и превращались в своего рода сотрудничество с «хозяевами» ритуала).

Ритуализация захватила и общественную речевую деятельность. Всевозможные речи с высоких и невысоких трибун, выступления на съездах, конференциях, собраниях, а также диспуты на политические темы и передовицы в газетах не должны были, как правило, ни сообщать новой информации, ни способствовать выявлению истины, а являлись вполне образцовыми ритуалами. Общественная и политическая речевая деятельность была лишена информационного и игрового (часто свойственного политической жизни) аспектов. Все это не могло не оказать влияния и на сам язык.

Для ритуальной функции некоторые свойства языка несущественны, более того, некоторые существенные свойства языка просто неприемлемы для ритуала, поскольку разрушают его. С другой стороны, ритуалу могут быть присущи отдельные черты, нехарактерные или незначимые для обыденного дискурса. Этой причиной объясняется появление и закрепление в языке множества специфических элемен-

тов и, наоборот, вычеркивание важных явлений, например каламбуров и других игровых элементов языка.

Для отправления ритуала в зрелом социалистическом обществе уже не требовался обыденный русский язык, он даже в какой-то степени мешал ритуальным действиям. Появление новояза, описанное Дж. Оруэллом, — естественное следствие непригодности нормального языка для осуществления ритуала. Однако в реальном советском обществе новояз не вытеснил обыденный язык, а существовал параллельно с ним, так что можно с большим основанием говорить о диглоссии, впрочем достаточно привычной для России в разные времена.

Диглоссия на Руси

Диглоссия — это одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах и противопоставленных по шкале «высокое — низкое». Широко известна диглоссия, существовавшая в дворянском обществе в России в XVIII в., в которой участвовали русский и французский языки. Еще более ранняя диглоссия, имевшая место в Киевской Руси, описана Б. А. Успенским (Успенский 1983). Она заключалась в противопоставлении литературного церковнославянского языка и разговорного (с определенной точки зрения языческого) языка. Каждый из них имел свою сферу функционирования. Последний использовался в особое время в особых «низких» местах и имел специальные снижающие сигналы.

Интересно, что «низким» местом считалась, например, баня, а в качестве снижающих языковых сигналов могло употребляться русское сквернословие — мат. Эта ситуация с анекдотической точностью повторилась спустя несколько веков. Именно баня явилась местом освобождения от ритуального языка, причем не только для «народа», но и для партийной элиты, а одним из основных качеств «банно-партийного» общения было обильное сквернословие, недопустимое в торжественных ритуалах. По-видимому, правы те, кто в качестве одной из причин распространения русского мата в социалистическом обществе называет его компенсаторную функцию. Сквернословие, с одной стороны, подчеркивает тот факт, что разговор ведется не на новоязе, с другой — очищает от него.

В советском обществе периода зрелого социализма фактически имела место диглоссия, т. е. сосуществование двух языков (конечно, в том случае, если мы ограничиваемся носителями русского языка) — русского и советского русского. Об этом разделении пишет, например,

М. Геллер в статье «Русский язык и советский язык» в газете «Русская мысль» от 8 мая 1980 г. Сами эти названия напрашиваются по аналогии с «русскими» и «советскими русскими» писателями (как это писалось в энциклопедиях и учебниках), хотя можно также говорить и о русском социалистическом языке.

Русский советский язык использовался в советском ритуальном общении. Это язык, достаточно непостоянный по лексическому составу, сильно подверженный моде, задаваемой прежде всего образцами речи генерального секретаря и других высокопоставленных партийных работников, и все-таки представляющий собой отдельное и самостоятельное образование, грамматика и словарь которого еще не описаны.

Хотя между названными языками как будто бы нет непроходимой пропасти ни в структурном отношении, ни в отношении сфер употребления, тем не менее это два разных языка (впрочем, чтобы не спорить о терминах, следовало бы использовать более нейтральный термин «идиом», обозначающий в современной лингвистике любое языковое образование, без претензии на статус отдельного языка), что особенно хорошо видно при столкновении их во времени и пространстве.

Можно описать эталонные ситуации употребления ритуализованного языка («выступления с трибуны» и т. п.). Однако возможно и последовательное использование двух описываемых языков в одном месте одними и теми же людьми практически без паузы. При этом действуют особые сигнальные механизмы, маркирующие изменение функциональной сферы и соответствующий переход от одного языка к другому. Среди этих механизмов могут быть и языковые, и неязыковые. Одним из главных таких маркеров является «серьезность» ритуала, подобающее изменение выражения лица, голоса, позы...

Чрезвычайно отчетливо описывает такой переход и возникшую коллизию между двумя языками А. Я. Яшин в знаменитом и некогда подвергшемся сильной критике рассказе «Рычаги» (1955). Колхозники, собравшись в правлении колхоза, беседуют о том о сем. Но в какой-то момент один из них, секретарь парторганизации, объявляет ритуал открытым. «Борода его расправилась, удлинилась, глаза посувели», «сухим, строгим и словно бы заговорщическим голосом» он произносит: «Начнем, товарищи! Все в сборе?» Как пишет далее Яшин: «Сказал он это и будто щелкнул выключателем какого-то чудодейственного механизма: все в избе начало преобразаться до неузнаваемости — люди, и вещи, и, кажется, даже воздух».

А. Вежицкая (Wierzbicka 1990) предполагает еще более сложное противопоставление «языков» в социалистической Польше, говоря о специальном антитоталитарном языке. Можно спорить о языковом